

выделенной части заголовка, в обыденной действительности невозможно, однако это становится реальным в языковом игровом пространстве.

«Мир болеет и необратимо меняется. В Украине старое сгнило, но не отмерло, а новое застряло в тазовых костях, и еще неизвестно, каким родится» [Зеркало недели]. В сплошной метафоре, представленной в этом минитексте, наиболее явно реализуется противоречие между онтологическим и лингвальным мирами. В то же время метафора является известным и одним из самых распространенных способов осмысления обыденной реальности через призму языка (то, о чем говорил Л. Витгенштейн: см. выше).

Таким образом, языковая игра не нарушает сложившиеся языковые нормы, а, наоборот, поддерживает их и реализуется по уже существующим моделям языка. Языковая игра изначально заложена в человеческое сознание вместе с языковыми умениями и навыками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
4. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
5. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред Ярцева В.Н.] – М.: Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа к словарю: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>.
7. Хейзинга Й. Homo ludens: человек играющий / Пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – 384 с.
8. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов / научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка: ГГПИИЯ, 2010. – (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – Вып. 1.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования. Ч. 1 / Пер. с немецкого Козловой М.С. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
10. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с. – Режим доступа к словарю: <http://www.lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>.
11. Копнина Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием на страницах современных российских газет / Г.А. Копнина // Язык современной публицистики: сб. статей. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 162 – 178.

УДК 82.091

ИССЛЕДОВАНИЕ РАССКАЗОВ ДОСТОЕВСКОГО: МОГЛА БЫ КРОТКАЯ СТАТЬ СТОЛЕТНЕЙ

А.Ф. Моралес-Прохоров, Э.М. Свенцицкая

Резюме. В статье идёт речь об объединяющей идее и внутренних связях в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского на основе двух рассказов: «Кроткая» и «Столетняя».

Ключевые слова: идея, герой, сказ, точка зрения.

Творчество Фёдора Достоевского богато и многогранно, но традиционно больше внимания уделяется романам. В этой работе мы обратим внимание на рассказы, также занимающие в его творчестве значительное место – их больше двадцати, и в некоторых применены новаторские для своего времени решения. Конечно же, мы не будем рассматривать все рассказы вместе. Ограничимся только вопросом, вынесенным в заглавие работы, уточнив для большей конкретности формулировку – могла бы Кроткая, прожив полную жизнь, стать Столетней?

Чтобы ответить на заданный вопрос, нужно сначала понять, как вообще связаны рассказы «Кроткая» и «Столетняя». Помимо принадлежности к «Дневнику писателя» и того, что оба они написаны в 1876-м году, эти рассказы также объединены одним автором, а, значит, их связывает потенциальное наличие общей идеи, которая, возможно, и не была целью написания этих рассказов, но была одной из главных основ мировоззрения автора. Здесь стоит процитировать самого Достоевского: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» [здесь и далее Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя»]. Для Достоевского такой идеей стало христианство, вера в Бога. Убедительное доказательство – его письмо к Н.Ф. Фонвизиной в 1854-м году, процитируем отрывок из него: «...мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной».

Другие точки соприкосновения «Кроткой» и «Столетней» можно найти, если рассматривать творчество Достоевского в общем. Так, можно основываться на точке зрения В.Н. Белова о том, что Достоевский – «писатель кризиса», показывающий переломные моменты в человеческой жизни. В качестве примера достаточно вспомнить самый известный роман Достоевского, «Преступление и наказание». Важно, что эта книга была написана за десять лет до двух наших рассказов, и это может значить, что идейная составляющая, особый строй мысли в них может проявляться сильнее.

Есть ли кризис в «Кроткой»? Безусловно. За короткое время действия рассказа главные герои – ростовщик и его жена – переживают тяжелое испытание, не находя взаимопонимания, оказываясь фактически в зависимости друг от друга, ища разрешения конфликта и не находя его. Всё это приводит к смерти «Кроткой», что, впрочем, нельзя назвать окончанием кризиса, начавшегося у обоих героев ещё до начала событий рассказа. Скорее его кульминацией.

Со «Столетней» ситуация не столь очевидна. Несмотря на относительно традиционную компоновку рассказа: завязка – основное событие (смерть старушки) – концовка, – в нём нет эмоционально насыщенных сцен, нет конфликта. «Столетняя» является зарисовкой из жизни, сценой смерти бабушки возрастом сто четыре года. Зарисовка эта, абсолютно вопреки «Кроткой», не даёт читателю каких-то сильных переживаний, вместо этого лишь подавая тому некоторые авторские выводы, информацию и невысказанное предложение самому сделать вывод об увиденном.

Заметим, что в обоих рассказах упор сделан на некоторую вымышленность или, возможно, мистификацию событий, как в «Столетней», где вся вторая половина рассказа – лишь предположение автора, так и в «Кроткой». Особенно подробно стоит отметить именно этот рассказ – автор называет его в предисловии «фантастическим», хотя тут же делает оговорку, что «фантастичность» выражается главное в форме повествования. Об этом будет сказано чуть ниже.

Перейдём к другим различиям. Так, в «Кроткой» повествование идёт даже не столько в форме рассказа, сколько в форме «сказа», когда «автор выступает в одном лице: рассказчик становится повествователем» [В.Н.Захаров, «Система жанров Достоевского», 56]. Повествование не слишком литературно (в начале повествователь сам признаётся, что не владеет литературными приёмами), часто сумбурно и эмоционально, наполнено «излишними» замечаниями. «Кроткая» в полной мере даёт возможность увидеть картину именно глазами одного человека, хотя и наблюдательного. В «Столетней» же, напротив, рассказ абсолютно литературен и, как уже говорилось, лишен резких перепадов тона. История «Столетней» является полностью самодостаточной, охватывая небольшой отрезок времени, в то время как «Кроткая» в своём небольшом объёме раскрывает основные моменты из жизни главных героев, полнее освещает характеры и события.

Здесь мы подходим к ответу на вопрос, что объединяет эти два рассказа. В «Кроткой» изображено испытание двух людей. Нас интересует жена ростовщика, покончившая жизнь самоубийством. Она может рассматриваться как Столетняя, не прошедшая испытания кризисом и умершая в раннем возрасте.

Наш вопрос, как уже говорилось – имела ли шансы одна стать другой?

Отвечая на него, мы сперва обратимся к «Кроткой», поскольку она, как нам кажется, играет в этой связке большую роль.

Кризис Кроткой начался задолго до выхода за ростовщика, начался с крайней бедности и подчинённости тёткам. Про то, что это не простая беда, а крайне тяжелый момент в её жизни говорит хотя бы то, что Кроткая относит в контору ростовщика образ, отказываясь, впрочем, принять за него десять рублей вместо пяти. Если вспоминать про отношение Достоевского к религии, это действие героини можно считать порывом отчаяния, и в то же время потерей веры во что-либо. И, несмотря на подобное своё положение, героиня не теряет гордости, что позже и станет одной из причин её смерти. Гордость даже в этой жизненной ситуации видится в Кроткой очень хорошо: она ищет любой выход из бедности, кроме как свадьбу на купце, от которой она наотрез отказывается. Как заметил ростовщик, девушка серьёзно раздумывает даже над его, казалось бы, спасительным предложением. Меньше всего в Кроткой видна та самая «кротость», вынесенная в название. Эта "кротость" больше похожа на болезненное наслаждение собственным страданием (ранее эта тема раскрыта Достоевским в «Униженных и оскорблённых»). Вопреки кротости – постоянно рассказчик подмечает её своеобразный нрав, который приводит, например, к конфликту с Ефимовичем. Глава «Кроткая бунтует» полностью раскрывает образ героини, давая понять, с какой личностью мы имеем дело. Кроткая демонстрирует в упоминаемом рассказчиком диалоге с Ефимовичем то самое спорное качество, о котором речь шла выше – гордость, хотя и соседствующую с чистотой помыслов, нетерпимостью к пороку.

Но, как мы считаем, если рассматривать Кроткую с точки зрения веры, в ней мало того, что могло бы спасти её – умения простить и понять. Несмотря на первоначально доброжелательное отношение к рассказчику, девушка меняет своё мнение, по его собственному замечанию, не только из-за поведения, но и из-за «дурных слухов». Не оправдывая самого ростовщика, стоит сказать, что она, узнав правду, воспринимает её по-своему, даже не пробуя понять мотивов тирана, степени его провинности в несостоявшейся дуэли.

Говоря о понимании, нужно, конечно, вспомнить и о самом ростовщике.

В первой половине рассказа он желает привить Кроткой «широту взглядов». Позже рассмотрим его попытки, во многом неудачные, но сейчас обратим скорее внимание на то, что «широтой» обделён изначально и сам ростовщик. На протяжении всего действия он и его жена переживают одни и те же события, воспринимая их совершенно по-разному. Так, во время сцены с револьвером, где Кроткая не решается застрелить спящего ростовщика, даётся его же комментарий: «я победил, - и она была навеки побеждена!». Эти слова сперва можно трактовать по-разному, но в дальнейшем становится ясно, что ростовщик считает произошедшее своей личной победой, «покорением» девушки. Мы же считаем, что Кроткая не застрелила ростовщика лишь из-за той же самой гордости. Об этом свидетельствуют не её улыбка в следующей сцене, и даже не поведение во время сцены с револьвером, но все предыдущие её поступки, начиная от первого же диалога, где ростовщик цитирует «Фауста», и где девушка спрашивает его, не стесняясь, словно желая вызвать его злость: «Это вы миру мстите, да?», заканчивая той самой сценой с Ефимовичем.

Но вернёмся к попыткам привить «широту». Действия ростовщика эгоистичны и самоуверенны, что выражается хотя бы в первых диалогах, в его мыслях, в объяснении

девушке дешевизны её «первых впечатлений бытия». Отчасти именно это приводит к тем самым драматичным последствиям, с которых и начинается рассказ. Ростовщик пренебрежителен по отношению к героине: «Когда этакая забуйствует, то хотя бы и перескочила меру, а всё видно, что она себя только ломит, сама себя подгоняет и что с целомудрием и стыдом своим ей справиться невозможно». Более того, даже после самоубийства жены он продолжает себя оправдывать: «В женщинах нет оригинальности, это – это аксиома, даже и теперь, даже и теперь для меня аксиома!».

Это и правда для него аксиома. Даже на момент финальной точки произведения – собственно, рассказа ростовщика, – среди его чувств если и есть осознание собственной вины, то проскальзывает оно на протяжении повествования хаотически, в восклицаниях («Ну, наплевать!»), и лишь к концу сформировывается в настоящее понимание и осознание.

Тут можно было бы сказать, что подробностей хватит для заключения, но вспомним ту самую «фантастичность», о которой речь шла ранее. Вспомним также слова В.Н. Захарова о том, что рассказчик и повествователь в «Кроткой» – одно лицо. Вывод следующий: мы не можем узнать о происходящем и даже о герое-ростовщике больше, чем знает он сам. Как пишет Бахтин, герой скрывает от себя сам и тщательно устраняет из своего собственного слова нечто, стоящее все время перед его глазами [М.М. Бахтин, «Проблемы поэтики Достоевского», 56] – именно этим, мы считаем, объясняется такое необычное повествование. Не говоря о том, что это несколько необычный способ повествования – «Кроткая» осложняет видение картины действий кроме той, которую получил ростовщик. Так что вывод, претендующий на полную объективность, сделать сложно.

Так или иначе, мы считаем, что вина в падении Кроткой, как в переносном, так и в фактическом смысле, лежит на обоих героях. События случаются из-за отсутствия понимания между героями, отсутствия даже желания этого самого понимания. Напротив, первоначально герой высказывается о своём стремлении подчинить жену, отомстить миру, чтобы тот, в её лице, извинился перед ним. До конца второй половины рассказа ростовщик, хоть и испытывая чувства, оценивает её как лишь выделяющуюся из публики, но неспособную пойти против его воли девушку, и только в конце – как человека. Сделав такой вывод, перейдём к «Столетней».

Главную героиню этого рассказа – старушку, которой сто четыре года, можно охарактеризовать очень просто, по одному предложению из первого диалога в рассказе: «Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану и пойду».

Эта женщина уже прошла свой кризис, что всячески старается подчеркнуть автор: «Улыбается, солнышко прямо на неё светит». Она спокойно принимает свой возраст: «Сто четыре годика мне, только всего (это она пошутила)», смирилась уже с необходимостью путешествовать «от скамейки до скамейки», как и прочими трудностями старости, но, что самое главное на наш взгляд – она, несмотря на всё вышесказанное, живёт по-настоящему, до самого конца. «Глаза тусклые, почти мёртвые, а как будто луч из них какой светит тёплый».

Когда же она умирает, жизнь из неё уходит почти ощутимо: «Уж очень бледна она вдруг стала, губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло». Совсем не похоже на Кроткую, которая, по упоминаниям ростовщика, стала к середине рассказа «страшно бледна».

Окончательный же вывод делает в конце рассказа сам автор: «Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умиленное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное».

В этом, как нам кажется, отличие двух героинь, и в этом их несоединимость. Отдельно идеи этих рассказов не связаны, но, если рассматривать их в контексте проблемы понимания, в контексте проблемы прощения и смирения, то превращение

Кроткой в Столетнюю видится процессом почти невозможным. Хотя в жене ростовщика и есть созидательное, чистое начало, проявляющееся хотя бы в споре с мужем из-за его лавки, его заглушает гордость, которая не даёт девушке понимать проблемы других. Даже перед суицидом, как упоминает герой, жена не оставляет записки «прошу в моей смерти никого не винить», вряд ли боясь, что в ее смерти обвинят ростовщика, но не подозревая, что из-за неё может пострадать Лукерья. Но понимания нет и со стороны мужа, а без него девушка не смогла бы прожить дольше, не смогла бы принять необходимый для себя вывод. Если бы этот вывод был сделан, судьбы героинь объединились бы, но этого не произошло.

Мы рассмотрели два рассказа Ф.М. Достоевского: «Кроткая» и «Столетняя» в нескольких аспектах, и сделаем на основе нашего анализа следующий вывод. Рассказы в «Дневнике писателя» могут быть объединены не только общей идеей, но и схожей проблематикой – вопросами понимания, смирения. При этом внешней схожести в них почти нет, т.к. способы отображения именно внутреннего мира в рассказах разные. Так, «Кроткая» центрирована на нём, на неразрешимости духовных проблем главных героев, в то время как в «Столетней» образ героини подан через внешние детали, через диалоги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.Н. Роман «Преступление и наказание», комментарий. – Ленинград: Издательство «Просвещение», 1979
2. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 208с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва: Художественная литература, 1972. – 167с.

УДК 37.01:82

ВИВЧЕННЯ БІОГРАФІЇ ПИСЬМЕННИКА НА УРОКАХ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ В 9 КЛАСІ (ЗА ТЕМОЮ «МИКОЛА ГОГОЛЬ»)

Н.В. Панченко, О.В. Пуніна

Резюме. У цій статті розглядаються методи і прийоми, які можуть бути застосовані на уроці української літератури в школі при вивченні біографії письменника. Зроблена спроба поєднати традиційні методи (лекція і бесіда) з інтерактивними прийомами навчання (написання короткої біографії чи епізоду з життя, прийом інтерв'ю у письменника тощо).

Ключові слова: методи, інтерактивні прийоми, біографія письменника.

Вивчення життєвого шляху письменника в школі нерідко викликає у вчителів певні труднощі, які пов'язані з невмінням вдало подати матеріал, складністю зацікавити учнів у певній персоналії з курсу літератури. Для підвищення рівня навчання учнів в методичних розробках різних дослідників зустрічаються рекомендації для проведення уроків з вивчення біографії авторів. Науковцями-методистами, які дають власні рекомендації для вивчення біографії митця, є В.М. Дробот, І.Є. Каплан, Є.А. Пасічник (життя і творчість як синкретична єдність), Б.І. Степанишин (розгляд хроніки життя і світогляду), Н.Волошина, Г. Токмань (екзистенційне викладання життєпису) і методисти-практики: О. Демчук (типологія уроків вивчення біографії), Л. Овдійчук, С. Кравчук, Н. Супринова та інші, які розробляли методику вивчення життєвого і творчого шляху українських письменників і робили висновки, узагальнення, а також ознайомити із закордонними новітніми підходами інтернет-об'єднання науковців Bright Hub (www.brighthubeducation.com), які займаються забезпеченням новітньою інформацією у сфері науки, технологій та освіти, розробляють корисні матеріали для правильного керування цими сферами життя.